

ДОН НИГРО

ПИРАНДЕЛЛО

Дон Нигро
Пиранделло

«Автор»

2018

Нигро Д.

Пиранделло / Д. Нигро — «Автор», 2018

Дон Нигро «Пиранделло/Pirandello». 7 актеров (3 женские и четыре мужские роли). Биографическая пьеса. Отношения с близкими, с Муссолини, с любовницей, с реальностью. Пиранделло – лауреат Нобелевской премии, блестящий прозаик и драматург. Пьеса «Шесть персонажей в поисках автора» с завидным постоянством ставится на российской сцене.

© Нигро Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Действующие лица	6
Декорация	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дон Нигро Пиранделло

«Это казалось самым важным... в эти головокружительные моменты, заволашевание чудовищным, искушение ужасной возможностью...»

Генри Джеймс, «Золотая чаша».

«Покамест он только еще с ума сошел, мадонна; и дурак присмотрит за сумасшедшим».

Уильям Шекспир, «Двенадцатая ночь».

«И любовь сказала Старику: «Теперь я тебя покидаю».
Лорд Дансени

Действующие лица

ДУЧЕ
ПИРАНДЕЛЛО
АКТРИСА
ЖЕНА
ТЕСТЬ
ДОЧЬ
ЛЮБОВНИЦА

Декорация

Сцена театра глубокой ночью. Стол и стол, где сидит и пишет ПИРАНДЕЛЛО. На сцене мебель и бутафория. Другие стулья и столы. Кровать. Старое овальное зеркало, лестничные пролеты, установленные хаотически, чуть напоминая грубый набросок «лестниц в никуда» Эшера¹.

(Сцена театра. Ночь. Мебель и бутафория, тут и там лестничные пролеты. В маленьком круге света ПИРАНДЕЛЛО сидит за столом, пишет. ДУЧЕ выходит из теней, всматривается в темноту зрительного зала).

ДУЧЕ. Это для тебя обычное дело, так? Оставаться после окончания спектакля и в одиночестве сидеть на сцене?

ПИРАНДЕЛЛО. Мне нравится здесь писать. Тишина, и мне нравится иллюзия безопасности, которую создает окружающая меня темнота. Пустой театр – святое место.

ДУЧЕ. Разве ты не чувствуешь себя одиноко? Глубокая ночь, рядом никого.

ПИРАНДЕЛЛО. Писательство – профессия одиночества. Когда мне нужна компания, я говорю с призраками. В театре лучшие призраки. Все равно, что живешь в личном кукольном доме. Когда на душе у тебя покой, ты можешь выдумывать, что угодно. И вести разговоры с кем угодно, живым, мертвым или воображаемым. Можешь делиться похабными анекдотами с Богом, если есть такое желание.

ДУЧЕ. По моему разумению, Богу тоже одиноко. А что ему делать целыми днями, кроме как убивать людей? Играть в шашки с дьяволом? Конечно, скорее всего, это один индивидуум, разговаривающий со своим отражением в зеркале. Я склонен думать, и драматурги склонны видеть себя Богом, смотрящим в зеркало.

ПИРАНДЕЛЛО. Не думаю я, что хочу быть Богом.

ДУЧЕ. Конечно, ты хочешь быть Богом. Каждый хочет быть Богом. За исключением Бога, который, вероятно, хочет быть Муссолини. *(Принимает величественные позы перед старым овальным зеркалом)*. Симпатичный парень, правда? Знаешь, а в свое время люди называли меня уродом. Теперь такого нет. Думаю, с возрастом я выгляжу лучше. Опять же, все эти люди умерли. Нет, я их не убивал. Не всех, во всяком случае. Кого-то мог и повесить. Какая радость в том, что ты диктатор, если нет возможности развешивать своих врагов, как рождественские украшения? Темновато здесь. Нельзя ли добавить света? Не могу разглядеть себя должным образом.

ПИРАНДЕЛЛО *(кричит в глубину сцены)*. Гарibaldi? Ты еще здесь? Дуче нужно побольше света.

ДУЧЕ. Гарibaldi? Светом у тебя заведует Гарibaldi?

ПИРАНДЕЛЛО. Наш пострел везде поспел. Никто не помнит его настоящее имя. Мы зовем его Гарibaldi, потому что он с бородой, развитым чувством собственного достоинства, непомерным упрямством, а если его кто-то ищет, он всегда где-то еще.

ДУЧЕ. Что ж, похоже, он уже ушел. *(Внезапно вспыхивает несколько ламп. Теперь круги света перемежаются с пятнами теней)*.

ПИРАНДЕЛЛО. Здесь он. Великий человек, наш Гарibaldi. Спасибо!

ДУЧЕ. Я думаю, на самом деле стало темнее.

¹ Мауриц Корнелис Эшер/Maurits Cornelis Escher (1898-1972) – нидерландский художник-график. Известен прежде всего своими концептуальными литографиями, гравюрами на дереве и металле, в которых он мастерски исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии.

ПИРАНДЕЛЛО. Наверное, он настраивает свет для сцены сна. В этой пьесе есть сцена, в которой главный герой, он знаменитый писатель, поздно вечером остается в театре один, когда...

ДУЧЕ. Ты слышишь?

ПИРАНДЕЛЛО. Что?

ДУЧЕ. Прислушайся?

ПИРАНДЕЛЛО. Я ничего не слышу. Наверное, Гарибальди бродит за кулисами.

ДУЧЕ. Похоже на сов.

ПИРАНДЕЛЛО. Сов?

ДУЧЕ. В последнее время я слышу сов.

ПИРАНДЕЛЛО. Не думаю, что у нас есть совы. Крысы есть. В театрах всегда полно крыс и актеров. На чердаке жили голуби, но крысы их съели. Я думаю, крысы. Но могли и актеры.

ДУЧЕ. Не доверяю я голубям. Она что-то бормочут за моей спиной и гадят на мои статуи. А вот сов где я только ни слышу. Перед тем, как заснуть. В душе. Справляя большую нужду. И я не про то, что справляю большую нужду в душе. Я слышу сов, справляя большую нужду, а иногда даже в момент оргазма. И мой разум иной раз измывается надо мной. Я просыпаюсь, и не знаю, где нахожусь. Словно стараюсь вспомнить сон. Пытаешься ухватиться за него, а он как раз скрывается за углом. И сейчас, кстати, тот самый случай. Почему я здесь?

ПИРАНДЕЛЛО. Не знаю. Это философский вопрос или...

ДУЧЕ. Это невероятно раздражает, знаешь ли. Словноходишь в комнату и не можешь вспомнить, а чего ты туда пришел. Подожди. Вспомнил. Я принес хорошие новости. Я здесь для того, чтобы сообщить тебе, что ты удостоен великой чести. Тебе доверено написать биографическую пьесу о моей жизни. Я знаю, что ты в восторге. Ты в восторге, правильно? Не выглядишь так, словно ты в восторге. Почему ты не в восторге?

ПИРАНДЕЛЛО. Разумеется, это великая честь. Вы оказываете мне такое доверие, ставя передо мной столь ответственную задачу, но на самом деле...

ДУЧЕ. На самом деле что?

ПИРАНДЕЛЛО. Я тяготею к пьесам о своеобразии и иллюзорной природе реальности. Вероятно, моя кандидатура – не лучший выбор для написания пьесы о человеке, который точно знает, кто он, и уверен во всем.

ДУЧЕ. Откуда тебе известно, в чем я уверен?

ПИРАНДЕЛЛО. Я лишь говорю, что вы всегда выглядите таким уверенным, о чем бы ни...

ДУЧЕ. То есть ты не хочешь написать пьесу о моей жизни?

ПИРАНДЕЛЛО. Не то, чтобы я не хочу. Просто чувствую, что моих весьма скромных способностей...

ДУЧЕ. Ты думаешь, это ниже твоего достоинства?

ПИРАНДЕЛЛО. Абсолютно нет. Но драматург не всегда может просто сесть за стол и написать пьесу, потому что кто-то предлагает ему это сделать.

ДУЧЕ. Разумеется, ты можешь. Если я захожу в ресторан и заказываю пиццу, мне ее готовят. Я зашел в театр и заказал пьесу. Ты – драматург. Вот и напиши мне пьесу.

ПИРАНДЕЛЛО. Но мои пьесы о двойственности, связанной с нашей верой в то, что мы знаем истинную природу реальности, тогда как на самом деле ясности...

ДУЧЕ. А если мы отрубим тебе член? В этом случае с реальностью тебе все будет ясно? (Пауза). Расслабься. Шучу. В каком-то смысле. Хотя просто удивительно, насколько эффективно угроза отрезать кому-то член снимает вопросы о природе реальности. Но я не собираюсь на тебя давить. На самом деле я личность творческая, все тонко чувствую. Играю на скрипке, люблю оперу. Обожаю слушать толстяков, которые ходят в этих глупых шляпах, орут друг на дружку и притворяются, будто умирают. «Паяцы» я слушал снова и снова, пока из ушей не

пошла кровь. Я еще и актер. Играю роль Дуче. Ношу маску. Но снимая ее, лишаюсь и лица. Не остается ничего, кроме скалящегося черепа. Или пустоты, как у Человека-невидимки. Нет, остается нос. Я становлюсь носом, который плавает сам по себе. (*Среди разбросанной бутафорши он замечает скрипку*). Посмотри. Скрипка. В этой пьесе играют на скрипке?

ПИРАНДЕЛЛО. Видать, Гарибальди прибирался в бутафорской.

ДУЧЕ. Ты хочешь послушать, как я играю «Паяцы» на скрипке.

ПИРАНДЕЛЛО. Конечно, просто мечтаю об этом, но сейчас мне нужно закончить...

ДУЧЕ (*играет что-то из «Паяцев», очень плохо*). Здорово, правда?

ПИРАНДЕЛЛО. Ничего подобного никогда не слышал.

ДУЧЕ. Ты понятия не имел, что я такой талантливый?

ПИРАНДЕЛЛО. Очевидно, что вы – невероятно одаренная личность.

ДУЧЕ. Чуть собачья. Енот трахает ребенка, вот что это за звуки. Незачем тебе целовать мой зад. Кожа там растрескалась от всех этих поцелуев. Весь день и полночи по всей Италии люди стоят в очереди, чтобы поцеловать мне зад. Поначалу это было довольно приятно, но зад у меня человеческий, и бесконечного потока слюны не может выдержать даже зад великого человека. Стоит пошутить насчет отрезанного члена, и в следующее мгновение губы этого человека буквально присасываются к моему заду. И мне куда больше нужен смельчак, который наконец-то скажет мне правду.

ПИРАНДЕЛЛО. Но что есть правда?

ДУЧЕ. Правда – это дерьмо, которое я заставляю проглотить какого-нибудь тупого сукиного сына. К истине правда никакого отношения не имеет. Правда – это категория власти. Ты можешь убедить людей поверить в любую чушь, даже самую нелепую, если они хотят в это поверить, а ты будешь снова и снова выкрикивать этот бред. Люди хотят, чтобы их вели, как баранов. Тогда им нет необходимости включать мозги, а они знают, что последнее может вогнать их в жуткую депрессию.

ПИРАНДЕЛЛО. Не всегда.

ДУЧЕ. То есть ты включаешь мозги?

ПИРАНДЕЛЛО. Я писатель. Нет у меня выбора.

ДУЧЕ. И ты в депрессии?

ПИРАНДЕЛЛО. Да, но...

ДУЧЕ. У меня нет слов. Но мне не следовало шутить насчет отрезания твоего члена. В какой-то момент он еще может тебе понадобиться. У тебя есть жена, так? Вдруг она заявит на него права? Хотя я слышал, что она безумна, а ты сошелся с актрисой, которая в два раза моложе тебя. На пару они не дают тебе сидеть без дела. Это правда?

ПИРАНДЕЛЛО. И да, и нет.

ДУЧЕ. Ответ, который на самом деле ничего не значит. Именно такой драматург мне и нужен. Мастер двусмысленности. Когда будешь писать эту пьесу обо мне, покажи меня величественным, но скромным. Неистовым, но добрым к щенкам. Богоподобным, но добродетельным, как соседская девушка. Сможешь ты это сделать? Тебе дали Нобелевскую премию. Что-то ты должен уметь.

ПИРАНДЕЛЛО. К сожалению, с созданием чего-либо обычно так не складывается. Во всяком случае, для меня.

ДУЧЕ. Я не прошу тебя создавать эту чертову вселенную. Я лишь хочу, чтобы ты написал пьесу. Невероятно глупые люди делают это постоянно.

ПИРАНДЕЛЛО. Но создание произведения искусства сродни созданию вселенной. Или ее рождению.

ДУЧЕ. Моя мать чуть не умерла, когда рожала меня. Голова у меня была размером с арбуз. Ее крики слышали во Франции. Когда ты пишешь, с тобой та же история?

ПИРАНДЕЛЛО. Обычно все не столь болезненно, но действительно похоже на вынашивание ребенка, в том смысле, что одного желанья забеременеть недостаточно для того, чтобы это произошло. Без таинства зачатия не обойтись. Какой-то химической реакции в голове. Ты сам не знаешь, как и когда это случается, но внезапно что-то изливается из тебя на бумагу даже быстрее, чем ты успеваешь записывать. Тебе по силам увеличить вероятность того, что зачатие произойдет, но заставить это случиться невозможно.

ДУЧЕ. Ты заставишь, если захочешь, или в дальнейшем отлить сидя. Опять я тебе угрожаю. Нехорошо. Ладно, заключу с тобой сделку. Обещаю не отрезать твой член. Напишешь ты эту пьесу или нет, член останется при тебе. Это проявление великодушия или как?

ПИРАНДЕЛЛО. Спасибо. Я действительно это ценю.

ДУЧЕ. Да и что мне делать с членом драматурга? При условии, что он у тебя есть. Может вместо того, чтобы отрезать член, прострелить тебе локоть? Это будет справедливо? Не говори мне, что такой великий человек, как я, остановится перед тем, чтобы прострелить драматургу локоть. Я – Дуче! Это моя обязанность – простреливать людям локти. А если ты не сможешь написать пьесу без локтя, я могу попросить Д'Аннунцио написать пьесу обо мне. Д'Аннунцио так часто целовал мне зад, а его усы воняют собачьим дерьмом. Но я так часто вляпывался в дерьмо. Политика – это большая куча дерьма, а я петух, который вскарабкивается на нее и кукарекает. Кто это сказал? Я? Опять себя цитирую? Иной раз этого даже не замечаю.

ПИРАНДЕЛЛО. Разве Д'Аннунцио не умер?

ДУЧЕ. Все зависит от того, какой сейчас год, а солнечные часы я, к сожалению, оставил в других штанах. И потом, к чему это ты? Шекспир мертв, а люди все равно ставят его пьесы.

ПИРАНДЕЛЛО. Да, но эти пьесы он написал при жизни. Даже Шекспир не был столь плодовит после смерти.

ДУЧЕ. Это не моя вина. Я его не убивал. Правда в том, что насилие больше не радует меня, как прежде. Я даже не хотел влезать в эту войну. Англичане заставили, с их лошадиными зубами и уродливыми маленькими собачонками. И я предупреждал Гитлера – не лезь в Россию. Только безумец может вторгаться в Россию. Сначала отморозишь яйца, потом тебя сожрут медведи. Он меня послушал? Этот безумный маленький пердун. Иногда я так злюсь, что мне хочется сорвать с себя одежду и валяться в грязи, как хряку. Моя жена постоянно меня пилит, моя любовница постоянно плачет. Выбирая между ними, я всегда предпочитаю немцев. Еще мальчишкой я сказал себе, придет день, когда я буду жить в большой золотой башне и совокупляться с чьей-то дочерью. Я вновь сделаю совокупление доблестью! И я стану умнейшим человеком этого мира, потому что позабочусь о том, чтобы все остальные были глупцами. Я возвеличу невежество! У людей, с которыми я встречаюсь, иногда возникает ощущение, что я не так и умен. Это обстоятельство человек может использовать себе на пользу, если правильно разыграет свои карты. Но лучше всего ситуация, когда все до усрачки боятся тебя. Этому я научился еще в школе: когда кто-то бьет тебя по голове, хватай ножницы и втыкай в шею. Никому не давай спуска. Разумеется, может, поэтому у меня нет друзей. Нет, разумеется, многие хотят, чтобы я думал, что они – мои друзья. Или они глупы, или боятся, что я собираюсь их убить. Есть только два типа людей: сильные и слабые. Сильные ведут за собой. Слабые следуют. Сильные доминируют. Слабые подчиняются. Или ты боишься их, или они – тебя. Если ты не подчиняешь других, ты – один из слабаков, и место твое в стаде. Важна только победа. Каким способом, значения не имеет. Какая разница, что ты делаешь и как говоришь, если держишься ты уверенно. Сохраняй уверенность в себе, позволяй им проецировать на себя свои страхи и надежды, и каждый скажет: он – один из нас. Он говорит то, что я думаю! Так ты обретаешь власть над глупцами. Ты говоришь, мы вместе вновь сделаем Италию великой! И эти говнюки на самом деле тебе верят. Все это полнейшая чушь. КТО-НИБУДЬ ЗАСТАВИТ ЗАТКНУТЬСЯ ЭТИХ ПРОКЛЯТЫХ СОВ?

ПИРАНДЕЛЛО. Вы в порядке? По-моему, вам нездоровится.

ДУЧЕ. Чего человек не может себе позволить, так это быть самим собой. Такое ощущение, что каждый, кого я знаю – персонаж одной из твоих нелепых пьес. Все вокруг – фарс. Этот корабль идет ко дну, а есть приходится исключительно бурду. Почему мне больше не приносят хорошую лазанью? Неужели никто не помнит, как приготовить лазанью? Мы должны вернуть величие лазанье! *(Пауза)*. Ладно. Наверное, я немного нервничаю. Я знаю, здесь я должен быть главным, но отчего-то нарастает ощущение, что я – пленник собственного кошмара. Люди приходят, чтобы преклонить колени, с потом ссут на мои туфли. Я чувствую, есть что-то такое, что я должен вспомнить, и не могу. Думаешь, я теряю рассудок? Не отвечай. Это правда, что твоя жена безумна?

ПИРАНДЕЛЛО. Моя жена серьезно больна, это так. Но женщина – что сон. Никогда не бывает такой, как ты ожидаешь.

ДУЧЕ. На самом деле женщины именно такие, как я и ожидаю. Она все еще позволяет тебе трахать ее?

ПИРАНДЕЛЛО. Не очень-то мне нравится отвечать на подобные вопросы.

ДУЧЕ. Значит, ответ – нет. Но, по крайней мере, у тебя очень симпатичная любовница. Это актриса. Красотка – ничего не скажешь.

ПИРАНДЕЛЛО. Если человек хочет остаться в здравом уме, не должен он связываться с актрисой. Она перебивала в образах двадцати людей до того, как стала той, за кого ты ее принял, когда знакомился с ней. Но за кого бы ты ее ни принимал, ты не прав, и останешься неправым, несмотря на все свои старания. Мужчина должен или смириться с этим, или пустить себе пулю в лоб. Других вариантов просто нет.

ДУЧЕ. Значит, ты трахаешь эту актрисулю.

ПИРАНДЕЛЛО. Я действительно не хочу об этом говорить.

ДУЧЕ. Да ладно. Мне ты можешь сказать. Это простой вопрос. Трахаешь ты ее или нет?

ПИРАНДЕЛЛО. Что произошло между этой молодой женщиной и мной... Вся моя жизнь изменилась в одну ночь, в моем номере отеля, когда трупка была на гастролях.

ДУЧЕ. Значит, там ты ее оттрахал?

(Входит АКТРИСА, гораздо моложе, чем ПИРАНДЕЛЛО, в довольно откровенном халатике. Мы видим, что происходило в том номере отеля, или один из возможных вариантов происходившего. ДУЧЕ остается, наблюдает).

АКТРИСА. Я подумала, что ты, возможно, не спишь, и рискнула заглянуть к тебе. Ты же спишь мало, так? Я тоже. Думаю, это профессиональная болезнь людей театра. Мы можем сохранять спокойствие и на чем-то сосредотачиваться, лишь притворяясь кем-то еще.

ПИРАНДЕЛЛО. Иногда я пишу допоздна.

АКТРИСА. Надеюсь, ты не обижаешься, что я заглянула к глубокой ночью? Я не хотела мешать.

ПИРАНДЕЛЛО. Я тебе рад всегда, в любое время. Просто твое появление здесь – такая неожиданность.

АКТРИСА. Самое лучшее в жизни зачастую случается совершенно неожиданно.

ПИРАНДЕЛЛО. Да. Как и самое худшее.

(Пауза).

АКТРИСА. Спектакль у нас хороший, правда?

ПИРАНДЕЛЛО. Спектакль хороший. И будет еще лучше. Ты бесподобна.

АКТРИСА. Я могу сыграть лучше. Пока еще не освоилась. Концентрируюсь на одном и упускаю другое. Пока я собой недовольна. Из-за этого нервничаю. Словно что-то ищущую. Только не знаю, что. Когда не могу спать, брожу. Сегодня просто не могу найти себе места. Луна этой ночью больше, чем всегда. Приблизилась к земле. И меня не покидает ощущение, что этой ночью что-то произойдет. У тебя когда-нибудь такое бывает? Необъяснимое предчувствие,

иррациональная уверенность, что в самом скором времени произойдет событие, которое полностью изменит твою жизнь.

ПИРАНДЕЛЛО. И что это будет? Луна врежется в Землю?

АКТРИСА. Может, что-то не столь катастрофичное. Что-то удивительное. *(Пауза)*. Как ты ко мне относишься?

ПИРАНДЕЛЛО. Ты знаешь, как я к тебе отношусь.

АКТРИСА. Если на то пошло, нет. Ты выбрал меня из сотни женщин, чтобы играть главные роли в твоих пьесах. Столько многому меня научил. Полностью мне доверяешь. Если честно, однозначно даешь понять, что влюблен в меня. Но не предпринимает никаких действий. Ведешь себя, как настоящий джентльмен.

ПИРАНДЕЛЛО. Я тебя уважаю.

АКТРИСА. Уважение – это хорошо. Уважение – это очень важно. Особенно в профессии, где женщины не видят уважения со стороны мужчин, с которыми работают, да и со стороны кого-либо, если на то пошло. Я искренне ценю уважение, с которым ты ко мне относишься. Действительно ценю. И безмерно тебе благодарна. За все. Но знаешь, уважение и желание не исключают друг дружку.

ПИРАНДЕЛЛО. Знаю. Но я женат, и не могу поступать иначе.

АКТРИСА. По собственному опыту могу сказать, что не все такие.

ПИРАНДЕЛЛО. К сожалению, для меня другого не дано.

АКТРИСА. Значит, ты любишь свою жену? Я спрашиваю только потому, что ты, похоже, глубоко несчастен.

ПИРАНДЕЛЛО. Я всегда буду любить свою жену. По крайней мере, какая-то моя часть будет. Но она выматывает. Подозрительна ко всему и ко всем. Устраивает дикие сцены. Абсолютно убеждена, что я изменяю ей со всеми актрисами и школьницами. С любой женщиной, которая оказывается рядом.

АКТРИСА. Но ты не изменяешь.

ПИРАНДЕЛЛО. Не изменяю.

АКТРИСА. Голос у тебя такой, будто ты сожалешь о верности ей. У тебя есть выбор, знаешь ли. Ты можешь выбрать ту жизнь, которая тебя устроит. Если в этой ты такой несчастный, такой одинокий, так ли необходимо отказывать себе в удовольствиях, чтобы оставаться верным той, кто лишает тебя всего?

ПИРАНДЕЛЛО. В идеальном мире мне было бы приятно разделить жизнь с женщиной, которая в своем уме.

АКТРИСА. И однако мы посвятили себя театру, который зачастую контролируется посредственностями. Среди них, по большей части, глупцы и лишь несколько гениев, но они совершенно безумны.

ПИРАНДЕЛЛО. Это правда. Первую пьесу я написал в двенадцать лет и поставил на лестничной площадке в нашем саду. Все закончилось скандалом. Спектакль смотрели с интересом, но в какой-то момент мальчишка, который расстроился из-за того, что я не дал ему роль, выпрыгнул из-за колонны и помочился на сцену. На самом деле это была самая запоминающаяся и честная часть представления. Подозреваю, что все, написанное мною для театра, проистекает, образно говоря, из того начального прегрешения. Меня тянет в театр, потому что здесь, как мне представляется, больше правды, чем где-либо еще. Театр создан из лжи, но все остальное – тоже. А в театре, по крайней мере, мы точно знаем, что создаем некую ирреальность с тем, чтобы исследовать возможные реальные ситуации, которые нам не дано увидеть, когда мы находимся в мире, прикидываясь, будто знаем, что реально. Если я должен провести жизнь, бродя в темноте и находя что-либо только на ощупь, я бы предпочел, чтобы происходило это в театре.

АКТРИСА. Иногда, по ходу репетиции, я смотрю на тебя, и у меня разрывается сердце. Выглядишь ты самым грустным человеком на этой земле, и я ощущаю всеокрушающее желание утешить тебя.

ПИРАНДЕЛЛО. Мне очень приятно, что ты это чувствуешь.

АКТРИСА. Так ты хочешь?

ПИРАНДЕЛЛО. Хочу что?

АКТРИСА. Чтобы я утешила тебя. Потому что, если этой ночью тебе нужна компания, дай мне знать. Я все сделаю. Останусь с тобой. И утешу тебя.

(Пауза).

ПИРАНДЕЛЛО. Как бы мне этого ни хотелось, а мне очень, очень хочется, и я чувствую, какое нас ждет блаженство, привести это может к ситуации, которая в итоге вызовет только сожаление у нас обоих. И твое сожаление больно ударит меня. Это навсегда отравит наши взаимоотношения, поставит под угрозу нашу совместную работу. У нас сейчас прекрасные рабочие отношения. Близкие рабочие отношения. И я это ценю.

АКТРИСА. Можем мы только отделить одно от другого? Наша работа будет в одной реальности, а личные отношения – в другой?

ПИРАНДЕЛЛО. История общения мужчины и женщины, как в театре, так и за его пределами, однозначно указывают на крайне малую вероятность того, что у нас может получиться.

АКТРИСА. Другими словами, ты меня не хочешь.

ПИРАНДЕЛЛО. Вопрос не в том, чего я хочу.

АКТРИСА. Разумеется, вопрос именно в том. Все происходящее с нами определяется вопросом: а чего хочет человек? Что еще имеет значение?

ПИРАНДЕЛЛО. Я просто думаю, что твоя карьера будет успешнее, а личная жизнь счастливее, если мы не станем добавлять в наши отношения еще один уровень сложности.

АКТРИСА. Еще один уровень сложности?

ПИРАНДЕЛЛО. Я хочу сказать...

АКТРИСА. Ладно. Отлично. Извини, что потревожила.

ПИРАНДЕЛЛО. Ты меня не потревожила. Наоборот, я рад...

АКТРИСА. Я поняла. Все прекрасно. Я вернусь в свой номер и поучу роль. Это не проблема. Не хватает мне только стать дополнительным уровнем сложности в твоей жизни. Увидимся утром. *(Уходит).*

ПИРАНДЕЛЛО. Нет. Подожди. Я не хотел...

ДУЧЕ. Разумеется, ты последовал за ней в ее номер.

ПИРАНДЕЛЛО. Нет.

ДУЧЕ. Не последовал? Потому что ты получил официальное предложение последовать за ней, обнять и овладеть в порыве страсти.

ПИРАНДЕЛЛО. Но как человек может знать такое?

ДУЧЕ. Это понял бы и идиот.

ПИРАНДЕЛЛО. Я принял ее слова за чистую монету.

ДУЧЕ. Она не хотела, чтобы ты принял ее слова за чистую монету. Она хотела, чтобы ты последовал за ней в ее номер и набросился на нее. Или ты думаешь, что эта женщина глубокой ночью пришла к тебе полураздетой, чтобы выслушать историю о мальчике, писающем на сцене?

ПИРАНДЕЛЛО. Я не телепат. Откуда мне знать мысли другого человека? Особенно женщины. Она могла думать, о чем угодно.

ДУЧЕ. Позволь уточнить. Молодая красавица-актриса глубокой ночью, в обольстительном халатике, приходит в твой номер с предложением утешить тебя, ты рассказываешь ей историю о писающем на сцене мальчике и указываешь на дверь?

ПИРАНДЕЛЛО. Я не указывал ей на дверь. Она ушла сама.

ДУЧЕ. И тебе в голову не пришло последовать за ней и заняться любовью у нее в номере?
ПИРАНДЕЛЛО. Разумеется, нет. За кого вы меня принимаете?

ДУЧЕ. На мужчину ты не похож, это точно. Ты не находил эту женщину привлекательной?

ПИРАНДЕЛЛО. Я находил ее невероятно привлекательной.

ДУЧЕ. Но никак это не выказал?

ПИРАНДЕЛЛО. Я не мог изменить жене.

ДУЧЕ. Да почему, черт побери?

ПИРАНДЕЛЛО. Потому что это неправильно.

ДУЧЕ. Ты совсем рехнулся? Если у тебя появляется шанс заняться любовью с красоткой, ты хватаешь ее и укладываешь на диван. Вот что ты делаешь. И поверь мне. Я всегда пользовался успехом у женщин. Молодым парнем выходил в темноту и бродил по улицам. Если мне кто-то нравился, следовал за ней, хватал на лестнице, заталкивал в угол и овладевал у стены. Потом она начинала орать, что я ее обесчестил и все такое. Этого я понять не мог. О какой чести она говорила? Будь у нее честь, не шлялась бы она по улицам глубокой ночью. Ты можешь прятаться за своими сантиментами, но мужчины и женщины созданы, чтобы прелюбодействовать. Пенис дан мужчинам, чтобы он вставлял его, сам знаешь куда, при любой представившейся возможности. И если он не вставляет, женщины его презирают, чем бы он ни оправдывался. Посмотри, кто пользуется успехом у женщин? Робкие, тонко чувствующие души? Как бы не так. Такие мужчины, как я. На том и заканчиваю.

ПИРАНДЕЛЛО. Женщин нужно уважать.

ДУЧЕ. Как я могу уважать женщину, если она не уважает меня? И как она будет уважать меня, если я не показываю ей, кто в доме хозяин? То самое, что у женщины между ног, предназначено не для хранения орехов. Для ухаживания конфеты и цветы могут подойти, но лучше вложить деньги в кастет и нож. Писатель ты знаменитый, а по части женщин полный профан. Но у каждого есть ахиллесова пята. Для тебя это, похоже, твоя безумная жена. Почему ты позволяешь ей губить твою жизнь, когда рядом так много спелых плодов, которые ты можешь сорвать в любой момент?

ПИРАНДЕЛЛО. По правде говоря, обычно я не понимаю, почему делаю то или другое. Я слышу, как говорю что-то, и задаюсь вопросом, а откуда это взялось? Потом я нахожу объяснения, но кто знает, почему человек делает то, а не другое? Что-то связано у нас в голове, но мы не понимаем, как. Мы создаем ловушки для себя, такие же, как сеть, в которой умер Агамеммон. Ты падаешь в паутину, и чем сильнее дергаешься, тем больше сбегается пауков, чтобы пожрать тебя.

ДУЧЕ. Агамеммона убила жена, так?

ПИРАНДЕЛЛО. Да. В ванне. Его смерть была пародией на его рождение.

ДУЧЕ. Видишь, какие они, женщины? Стоит повернуться к ним спиной, как они перерезают тебе горло.

ПИРАНДЕЛЛО. Она убила его, потому что он ей изменял.

ДУЧЕ. Конечно, он ей изменял. Если она хотела мужа, который не будет ей изменять, не следовало и выходить замуж. Невозможно оставаться влюбленным в собственную жену. Для любого здравомыслящего человека влюбленность эта со временем остается в прошлом.

ПИРАНДЕЛЛО. Я писатель. Для меня все – настоящее. Моя семейная жизнь всегда была кошмаром. Жену мне выбрал отец. Первый раз мы поцеловались на свадьбе. Иногда я спрашиваю себя, почему я согласился жениться на первой женщине, которую отец подвел ко мне. Но человеку в любом случае суждено быть несчастным. Она – моя жена, и я должен нести этот крест.

ЖЕНА (*голос за сценой*). Пиранделло! Пиранделло!

ПИРАНДЕЛЛО. Помяни ее – и она тут как тут. Словно катастрофа в старой пьесе. Хотя, если бы ту пьесу писал я, ее выход не был бы таким...

ЖЕНА (*входит*). Я везде тебя ищу. Почему ты постоянно прячешься?

ПИРАНДЕЛЛО. Я не прячусь. Я писал.

ЖЕНА. Писать – это и есть прятаться. Я знаю, почему ты постоянно в этом театре. Ты прелюбодействуешь в бутафорской с этой шлюхой-актрисулькой.

ПИРАНДЕЛЛО. Я ни с кем и нигде не прелюбодействую.

ЖЕНА. Лжец. Драматург. Ты изменяешь мне снова и снова. Ты ненасытен. Даже своих учениц в женском колледже не оставляешь без внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.